

Му **ТЕАТР**

В весе и на сцене

❖
**«ПОВЕСТЬ О МОЛОДЫХ СУПРУГАХ»
В ТЕАТРЕ КОМЕДИИ**

В литературе и драматургии не-редко встречаются положения, когда писатель, проявляя влюбленных героев через все перипетии взаимного чувства, опускает занавес в тот момент, когда герой становится мужем и женой. Е. Л. Шварц в своей последней пьесе поставил прямо противоположную задачу: показать формирование семьи с ее первых шагов.

«Повесть о молодых супругах» говорит о необходимости беречь друг друга и свое чувство, о взаимном уважении и заботе.

Спектакль смотрится легко и весело. Любовь автора к людям согревает зрителя, а его наблюдательность и добрая шутка скрашивают и делают новыми и милыми многие хорошо известные истины. Но где-то в середине спектакля возникает вдруг мертвая точка; действие останавливается, и актер чувствует быстро начинает спадать, и самая проблема вдруг оказывается разрешимой так же легко, как примитивная арифметическая задача. Объясняется это, очевидно, тем, что, избрав проблему, которая не может быть решена вне конкретных человеческих характеров, автор наделил своих героев лишь легкой характеристостью, которая не может глубоко волновать.

Две молодых людей поселились в новой квартире, среди новых вещей. (Театру великолепно удалось передать эту атмосферу новизны обстановки). Только месяц прошел с того дня их свадьбы. Они счастливы так, что еще не успели подумать о своем счастье, по-настоящему почувствовать его. И вот наступил день, когда молодые супруги впервые поссорились,

Потом помирились. Потом ссоры стали повторяться все чаще. В чередовании ссор и примирений появился даже какой-то интерес. Жизнь сталаlixородочной, нескладной; в счастье и в любви двух молодых людей появился опасные трещинки.

Драматург с яркой наблюдательностью сумел показать, как и отчего возникают такие трещинки. Но этим по существу дело и ограничилось. А дальше все решается очень просто: когда супруги уже достаточно «наближали» друг друга, жена внезапно заболела, да так, что жизни ее оказалась висящей на волоске. И тогда муж понял, что все поводы для ссор и обид — пустяки, медочь, а самое важное то, что они не могут жить без друга. Драматург опускает занавес, так и не найдя разрешения намеченной в пьесе проблемы.

Е. Л. Шварц много лет работал с Театром комедии. Нетрудно заметить, что на сей раз он пред назначил свою пьесу хорошо известному театральному коллективу, знакомому и близкому по творческому стилю и характеру.

Легкая пьеса комедийных положений с заранее заданными и неизменными характерами не требует глубокого освещения внутренней жизни образа. Драматург даже подчеркивает это, оставляя и в «бытовой» своей пьесе легкий сказочный колорит. У него всерьез о серьезных вещах говорят лишь куклы или люди в беседах с куклами. Это сознательный авторский прием, якотно предвзятый постановщиками спектакля Н. Акимовым и М. Чижевским. Но почему-то становятся грустно видеть в спектакле героев, которые гордят и действуют искаженными чю-кукольному, скользя лицом по поверхности текста.

Из этого однообразного стиля вы-

делается А. Кириллов (Юрик), привнесший некоторое своеобразие в характерность, заданную автором. Местами у актера звучат искренние, подлинно живые лирические нотки. Его герой что-то преодолевает, с чем-то борется на глазах у зрителя, в чем-то неприметно меняется от сцены к сцене. Но и А. Кириллов очень заботится о том, чтобы зритель сразу все увидел, все принял. Это особенно подчеркнуто в сцене первого появления Юрика в квартире молодых супружеских.

Не менее трудную задачу приходится решать и В. Карповой (Маруся). Она легко, непринужденно и весело создает образ девочки, приснувшейся однажды утром и узнавшей, что отныне она сама и все окружющие будут считать ее взрослой. Это немножко смешно, непривычно и приятно, как новое платье. Кокетливость, с которой героиня входит в новую для нее обстановку, вызывает непривычность ее положения — актриса верно и очень тонко нашла эту деталь.

Маруся — Карпова — искрена и в своих поисках общего языка с мужем, и в своих обидах, и в своей любви, и в желании найти решение жизненной задачи, и даже в разговорах с куклами. Но легкость, с какой театр решает все проблемы, поставленные драматургом, накладывает отпечаток и на этот наиболее полный образ спектакля.

Добрый, мягкий, неизменно весело улыбающийся ляльщик Никанор Никандрович — А. Савоельянц. Как легко и просто он проходит через спектакль неизменным, приятным, и как мало нужно здесь актеру,

чтобы все время оставаться таким Шумная Шурочка с резкими грубо-пattivitàми жестами — Л. Люлько. Он приходит и уходит из спектакля та же и неизменной. Может быть, поэтому гардеробщик в боянице выглядит у К. Злобина наиволее заинтересованным образом, потому что актеру не приходится повторять в десятках вариантов одну и ту же фотографию персонажа, как приходится это делать Л. Леонидову (Сергей Орлов) или Т. Чокой (Ольга Иванова).

А ведь в пьесе Е. Л. Шварца заложены возможности других решений, и неизменными у него остаются только куклы, которые ожидают в трудные для героев минуты.

Занавес опустился. Зрители улыбаются милой и шутливой повести о раз навсегда примирившихся по воле драматурга супружеских. Но почему же все-таки они не испытывали подлинного волнения, если все, что они видели, было так театрально, живо и весело?

Думается, это произошло потому, что театр не попытался использовать всех возможностей, заложенных в пьесе, не попытался показать разные характеры и подменил его «игрой в жизнь» и световыми эффектами в последнем акте, которые никогда не решали и не могут решить ни одной творческой и жизненной проблемы.

Е. ТАБАТНИКОВА

❖
На снимке: сцена из спектакля. Молодые супруги: Маруся — актриса В. А. Карпова, Сергей — артист Л. Е. Леонидов

Фото В. Федосеева (ЛенТАСС)

